

УДК 82-31
ББК 84(2=411.2)6-44
Б28

Художник
Валерий Калныньш

Батурина, Е. А.

Б28 Выход А : несерьезный роман / Евгения Анатольевна Батурина. — М. : Время, 2020. — 512 с. — (Интересное время).

ISBN 979-5-9691-1962-8

Если тебе скоро тридцать, тебя уволили, муж завел любовницу, подруги бросили, квартиры нет, а из привычного в жизни остался только шестилетний ребенок, это очень смешно. Особенно если тебя еще и зовут Антонина Козлюк. Да, будет непросто и придется все время что-то искать — жилье, работу, друзей, поводы для радости и хоть какой-то смысл происходящего. Зато ты научишься делать выбор, давать шансы, быть матерью, жить по совести, принимать людей такими, какие они есть, и не ждать хэппи-энда. Дебютная книга журналиста Евгении Батуриной — это роман-взросление, в котором есть все: добрый юмор, герои, с которыми хочется дружить, строптивый попугай, честный финал и, что уж совсем необходимо, надежда.

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN: 978-5-9691-1962-8

9

© Е. А. Батурина, 2020
© «Время», 2020

Меня зовут Антонина Козлюк, и это еще не все.

Мне завтра тридцать. Сегодня на мне розовый чепчик и розовые трусы поверх вечернего платья, и я выпрашиваю деньги у людей на остановке. Дома меня ждут двое детей, попугай-диссидент, кролик с суицидальными наклонностями, дуэт из одиннадцати человек и добрый пожилой серб.

У меня нет работы, у мужа есть любовница, у любовника — жена, мои друзья разъехались по миру, сестра-лесбиянка полюбила мужчину, мать выходит замуж, отец неизвестно кто.

Рассказать, как так получилось?

Часть
первая

ВЕНЧИК ТВОРЕНИЯ

Когда мне исполнялось двадцать девять, жизнь была другой. Например, мне было куда проще заполнять анкеты.

Семейное положение: замужем.

Место работы: журнал Notebook, главный редактор.

Наличие братьев и сестер: нет.

Наличие суицидально настроенных кроликов: нет.

Двадцать девятый день рождения я отметила с сыном Кузей в маленьком итальянском кафе возле дома, в Перово. Мой муж Вениамин тоже собирался приехать, но сначала задержался на работе, потом в пробке на МКАД, потом в пробке на шоссе Энтузиастов. К ночи у него разрядился телефон, и мы наконец перестали созваниваться.

В принципе, я вообще не собиралась отмечать день рождения. Двадцать девять — это еще не тридцать. Но была моя очередь забирать Кузю из сада, а кафе было красивое, с огоньками и с анимацией для детей (тетя-клоун кокетливо представилась Ириской и увлекла ребенка в подвальное помещение — анимировать). Я заказала вино и пиццу и села отвечать на поздравления. Для взрослых в кафе тоже была предусмотрена анимация — бесплатный вайфай. Раз сто сообщив фейсбуку, что Antonina Kozlyuk это понравилось, и поблагодарив каждого доброго человека, я отложила телефон. То ли вино начало дей-

ствовать, то ли друзья в фейсбуке перехвалили Antonina, но вдруг почудилось, будто все у меня в жизни отлично. Двадцать девять — это еще не тридцать. Работа нервная, но любимая. Ребенок уже большой, умный и даже остроумный (тут я привычно почувствовала себя плохой матерью — ребенок шел в списке после работы). Есть мама, у которой я в списке первая. Есть друзья, и не только в соцсетях. Где-то есть муж. В кафе рядом с домом пекут пиццу, похожую на итальянскую, а это, как говорил Довлатов, уже излишество... Я снова взяла телефон и отправила одинаковые сообщения двум лучшим подругам: «Люблю вас и счастлива!» Одна ответила: «И я тебя!!!», другая написала: «Напилась уже? Ура». «То, что они такие разные, тоже счастье», — подумала я.

Так вот, мудрость от Антонины: если вам кажется, что все отлично, значит, где-то собираются тучи, и собираются они к вам.

На следующее утро я застала мужа Вениамина на кухне. Он был одет на выход и допивал кофе.

— Сегодня же суббота, — предположила я.

— Да вообще охренели, — ответил Вениамин тоном человека, которого хронически ущемляют в правах. — У них сервак слетел, а во вторник конференция в Саратове, вызвали в офис.

Вениамин — системный администратор. Наверное, очень хороший: у него на работе всегда что-нибудь ломается. Он приезжает, чинит, а сотрудники падают к его ногам и рукоплещут. Иногда Вениамин консультирует грустных девочек-секретарш по телефону: «Слышь, сейчас ты

будешь делать все так, как я скажу. Нажми кнопку «пуск», знаешь, где это?» Удивительно, но девочки-секретарши никак не выучат кнопку «пуск». В последнее время начальники стали брать Вениамина с собой в командировки — потому что офисные ноутбуки не могут без своего повелителя, вдали от него делают системное хакари и уничтожают важные презентации.

В общем, Вениамин уехал на работу, а я залила кипятком пакетик чая и открыла свой ноутбук. Замигало сообщение из скайпа. Я кликнула на него.

«Я такая тепленькая в постельке!!! Где мой любимый Венчик???» — сказала мне KateriNAN. Что за КатериNAX?

Я закрыла крышку ноутбука. Удостоверилась, что он мой. Вениамин в последнее время часто работал и играл на нем, потому что его компьютер сломался месяц назад — для системных администраторов это норма. Я снова открыла ноутбук и быстро, будто от этого зависела чья-то жизнь, отключила скайп.

Я не хотела читать чужих писем. И села читать чужие беседы в «Одноклассниках». Вениамин не пользовался фейсбуком — говорил, что там неудобная навигация. Я подобрала пароль (дата рождения Венчика, конечно) и вскоре нашла переписку с Катериной «Котик» X., 115 лет, Милуоки. Я вспомнила, что до меня у моего мужа была некая Катя, которая оказалась жестокой — тайно нашла жениха в Америке и уехала туда, цинично прихватив Вениаминов чемодан.

Оказалось, инициатором встречи «одноклассников» стала дама. Переписка поражала живостью и романтичностью:

Катерина «Котик» Х.: Привет!!! Помнишь меня???

Вениамин Верховцев: привет ну ты и ражжирела на американских харчах...

Катерина «Котик» Х.: Хахахахахаха!!! Как ты живешь??? Счастлив ли в браке???

Я так и не узнала, счастлив ли мой муж в браке, потому что остаток переписки Вениамин Верховцев удалил. Я немного полюбовалась фотографиями Котика. Запомнился кадр у клетки со львами за подписью «Львы и львица!!!».

Я сидела на кухне, будто в невесомости. Пыталась нащупать горе внутри себя. Оно не прощупывалось. Похоже, я была абсолютно здорова, разве что с небольшой контузией от скайпа.

Оказалось, я все давно знала, но отчего-то игнорировала это знание. Системные администраторы не ездят в командировки по три раза в месяц. И пробок в Москве все-таки не столько, чтобы стоять в них по пять часов каждый день. Да и загадочный Коля, который сначала звонил моему мужу с американского номера, а недавно стал звонить с обычного «Билайна», тоже не был таким уж загадочным. Ради разговоров с колями не закрывают дверь балкона и не понижают голос. Катерина Х. разошлась с американским женихом и вернулась в Москву. А Вениамин снова завел себе Котика.

Я сидела, пила чай и пыталась заглушить в себе радость. Ужасалась этой радости, уговаривала себя: семь лет брака, Антонина, очнись! А радость росла и требовала выхода.

На пороге кухни появился заспанный Кузя в пижаме с черепами. По утрам он обычно не в духе, как и я. Глаза узкие, волосы торчат щеткой, говорит басом.

— Ну и что ты тут воешь? — спросил ребенок.

Я? Вою? Н-да, похоже, обманутая жена так извелась от горя, что натурально запела.

— Ничего я не вою. Чай просто пью.

— Из моей кружки? — Кузя влез ко мне на колени. В последнее время он делает это редко — только от избытка чувств или от нехватки сил по утрам.

— Конечно, из твоей! — Ребенок подарил мне кружку с зайцем на день рождения. — Кашу будешь на завтрак?

— Конечно нет, — фыркнул Кузя.

— Ясно. Может, поедем тогда к бабушке?

— Давай. А папа где?

— Папу вызвали на работу.

— Хм, — Кузя хмыкнул так, будто это он прочитал сообщение в скайпе про «тепленькую» Катерину Х.

Но он его, конечно, не читал. Так что мы просто собрались и поехали в Белогорск.

В ПУНКТ Б

— Кто? — спросил мамин голос из домофона.

— Твоя дочь и твой внук, — проинформировала я, наклонившись к микрофону вплотную. Я прямо чувствовала запах железных кнопок.

— Ой, — всполошилась мама. — Вы что, в Белогорске?!

— Угадала! — поздравила я ее. — Тебе полагается сюрприз.

Да, мы в городе моего детства. Два часа на электричке с Курского вокзала, пятнадцать минут пешком от станции по сугробам — и вот мы топчемся у железной двери, мерзнем и пытаемся попасть на второй этаж, в родовое гнездо.

Я могла бы родиться в Ленинграде, а родилась в Белогорске. Очень мило с маминой стороны. В Белогорске, конечно же, нет ни одной горы и все в основном серое. Его старое название — Хряпино. Находится он в тридевятом Подмосковье, на границе с соседней областью. Население преимущественно состоит из пенсионеров. Бабушки сидят на лавочках и провожают вас взглядом. Дедушки встают в четыре утра и едут на рыбалку — подальше от бабушек. В центре города, на площади, — памятник Ленину с перманентно отсутствующей буквой Н. Все так и называют его: памятник лени. Около него — покосившийся магазин «Бомонд»: здесь все соответствует своему названию.

Говорят, скоро вместо «Бомонда» откроют «Пятерочку», но пока это всего лишь светские слухи. Школы в Белогорске две — у пенсионеров обычно взрослые дети. Зато есть дом быта, Дом культуры и парк с живописным оврагом.

Моя мама двадцать девять лет назад родила меня в Белогорске и вскоре уехала в Ленинград, учиться в университете и преподавать там литературу. Я осталась с бабушкой Аней, Анной Петровной Яворской, а мама нас часто навещала. Бабушка Аня была единственной нормальной бабушкой во всем городе. Она не сидела на лавочке, никого не обсуждала и вообще была вечно занята. Казалось, что вся энергия Белогорска сосредоточена в ней. К нам в дом постоянно шли люди, у которых случались разного рода мелкие беды: не с кем оставить ребенка, не засаливаются огурцы, не хватает до зарплаты. Бабушка могла схватить меня маленькую под мышку и отправиться к маме в Ленинград — через Москву. А в Москве забежать в гости к своему старшему сыну дяде Вите, отдать его женам и детям чемодан подарков, испечь им пирог, выгулять их собак, а потом еще встретиться в кафе на вокзале с подружками детства. Я тоже считала бабушку Аню подругой своего детства. Нам всегда было интересно вдвоем.

Когда бабушка умерла, мне было четырнадцать лет. Вернулась из школы, а ее нет. Увезли на скорой и не довели — хотя, казалось бы, какие такие расстояния в Белогорске... Я провела ночь у соседей, в одной кровати с Леркой Голиковой, валетом. Лерка возилась, пинала меня ногами и жаловалась, что я ей мешаю. Но я и так не могла спать — мне было стыдно перед бабушкой. Стыдно, что забрала бутерброды с колбасой, которые она пригото-

вила мне в школу: они теперь одиноко пропадали в холодильнике. Стыдно, что не обратила внимания, когда она робко пожаловалась на боль в плече — это было не плечо, а сердце, но теперь уже поздно догадываться. Стыдно, что в последнее время бабушка меня раздражала: я была перманентно в кого-то влюблена и только об этом и думала. Раньше мы с ней могли проболтать ночь напролет, а в четырнадцать мне вдруг показалось, что мальчиков эффективнее обсуждать с одноклассницами, и на бабушкины вопросы я отвечала усталым тоном, чуть не закатывая глаза...

На следующий день приехала мама, и я ее не узнала. Старая такая понурая тетка. Наверное, ей тоже было за что-то стыдно, потому что она все время повторяла: «Мамочка, прости». На похоронах ей стало совсем плохо, она чужим голосом рыдала на радость белогорским сплетницам, и мне снова было стыдно, теперь уже за нее.

Мама осталась со мной. Лучше бы мы, конечно, переехали в Ленинград, тем более он стал Санкт-Петербургом, но мама этого не хотела — сказала, что хочет быть поближе к бабушке. Устроилась работать в библиотеку, набрала учеников и быстро стала лучшим репетитором Белогорска. Меня она тоже между делом готовила к поступлению — постоянно рассказывала о литературе все, что раньше рассказывала студентам. Мои белогорские будни скрашивала череда влюбленностей. Мама тоже без дела в этом смысле не сидела — у нее появился гражданский муж, изобретатель Валерий. Как настоящий изобретатель, он был чудаковат и пил. Правда, ничего не изобретал. Когда пил, становился агрессивен и однажды выбросил с бал-

кона кресло. Об этом дворовые пенсионерки судачили две недели — несмотря на то что кресло в них не попало (я думаю, зря). Потом я поступила в два института, вышла за Вениамина, родила Кузю, Вениамин мне изменил, и мы с ребенком отправились в Белогорск на выходные. Создается впечатление, что мне удалось все это повернуть быстрее, чем Валерию выкинуть кресло из окна, но нет: просто историю нашей с Вениамином любви лучше рассказывать отдельно и не сразу после прерванной сессии с Катериной.

Когда мама наконец открыла нам с Кузей дверь и мы поднялись в квартиру, там пахло пирогом — почти бабушкиным, с лимоном. А у мамы был такой подозрительный вид, будто в квартире засел опасный преступник, в которого она уже успела опрометчиво влюбиться.

— Мы что, не вовремя? — осторожно спросила я. Мало ли, может, у изобретателя Валерия тоже появилась Катерина X. и назревает семейное объяснение, а тут мы.

— Да прекрати, что значит не вовремя! — отмахнулась мама, но сообщение левой рукой все-таки отправила. — Я вот и пирог только что поставила, будем твой день рождения отмечать!

Кузя бабушке поверил и пошел в комнату смотреть детские телеканалы. Я не поверила, но не отказываться же от пирога.

Мама у меня существо трогательное. Врать не умеет абсолютно. Когда врет, выкатывает глаза и не замечает этого. Со дня похорон бабушки у меня к ней странное отношение. Я понимаю, что она взрослая женщина с хоро-

шим филологическим образованием и к тому же моя мать, но не могу на сто процентов воспринимать ее всерьез. Отчасти потому, что это я ее успокаивала тогда, а не она меня. Отчасти из-за того, что на свете есть изобретатель Валерий, а в квартире не хватает одного кресла. К тому же мама дает все новые поводы. Однажды она приехала ко мне и с порога возвестила: «Я привезла тебе отличные противозачаточные таблетки! Таня Зотова из тринадцатой квартиры беременна, так что ей они больше не нужны, но это очень эффективные препараты!»

В общем, я поняла, что у мамы есть какая-то тайна, и, чтобы отвлечь ее, рассказала свою.

— Ничего себе, — сказала мама. — У Веника? Женщина?

— Понимаю, ты бы предпочла, чтобы у него появился мужчина, но с системными администраторами такое редко бывает. Вилка, розетка — работает только по схеме, увы.

— Очень остроумно. Что ты будешь делать?

— Ну, у меня нет подробного плана. Но в принципе я довольна.

— Довольна? Довольна?

— Ага, — я и сама удивлялась тому, что говорю. — Кажется, я давно этого ждала. Ничего у нас хорошего не получилось, кроме Кузи.

— Ну да, — задумчиво произнесла мама. — Все потому, что ты не готовила.

Так, а вот этого я не ждала!

— Да-да, — продолжала мама. — Меня всегда это поражало. Он готовил еду, а ты нет.

— Мадам Молоховец, — сказала я. — Ты решила прочесть мне лекцию о здоровой пище в нездоровой семейной атмосфере? Я вообще не умею готовить. Мама не научила.

— Ерунда это, — отмахнулась она. — Готовила бы, если бы было для кого.

— Ну ладно, — склонила я голову. — Будем считать, я оказалась плохой хозяйкой, проиграла жителям деревни Виллабаджо и меня бросили.

— Тебя не бросили, тебя потеряли, — мама одарила меня взглядом, который должен означать «когда-нибудь ты поймешь меня, девочка». — Но если тебя все устраивает, я рада.

— Мам, я не могу сказать, что меня все устраивает. У Вениамина роман, у меня Кузя, работа, и я только сегодня утром узнала про Катерину Хэ.

— Ха, — сказала мама-филолог. — Катерина Ха.

— Ха-ха. Самое противное — теперь мне придется что-то решать.

Но оказалось, что мне придется заниматься совсем другими делами.

БУК-УЧЕТ

Мы с Кузей пробыли у мамы до понедельника, он как раз оказался нерабочим. Когда вернулись домой, Вениамина еще не было. Каникулы Бонифация затягивались.

Утром во вторник мне надо было выехать на работу пораньше, потому что наш издатель Юра хотел со мной о чем-то поговорить. Я отвела мрачного Кузю в сад, по дороге рассказала ему, что на свете бывают школы со второй сменой и когда-нибудь мы такую и найдем. Воодушевленный Кузя в садовых шортах, которые сразу сбавили ему пару лет, побежал к остальным детям. Воспитательница натренированным голосом звала всех на зарядку. На скамейке спешно переодевались опаздывающие — Настя Кукина и ее папа. Папа сердился, и от этого Настя не попадала правильной ногой в колготки...

Я поехала в редакцию. До встречи с издателем Юрой я хотела посмотреть верстку сложного интервью с одним нервным актером, но на сервере ее не оказалось. Я начала звонить арт-директору, явно разбудила, попросила прислать верстку в почту, поняла по косвенным признакам («А? Сейчас поищу»), что макет еще не верстался. Разозлилась, подписала две менее сложные полосы, открыла третью, ужаснулась, позвонила фоторедактору и двум своим замам, застала всех троих в лифте по дороге в редакцию. Пока разбирались, почему у нас в номере два одина-

ковых заголовка и две почти одинаковые фотографии, я пропустила четыре звонка от издателя Юры.

«Что же он от меня хочет, настойчивый наш, — думала я, спортивной ходьбой направляясь к его кабинету. — О премиях, что ли, поговорить? Что их снова не будет?»

— Садись, Антонина, хочешь кофе?

Как только Юра произнес это ласковым тоном, я поняла, что дело плохо. Юра — робот в человеческом костюме и ботинках. Прямо скажем, не эмпат, но умеет изображать сочувствие, и этим фейк-сочувствием от него разит за три тысячи миль.

— Нет, спасибо, — это я о кофе. — Ты хотел поговорить?

— Хм-хм-хм... — это Юра зашелся в притворном горе. — У нас качественный продукт.

Честное слово, я думала, он снова о кофе. Но нет, он о моем журнале.

— ...очень качественный продукт. Для имиджа издательского дома он полезен. Все эти интервью с умными людьми, грамотный русский язык, эксклюзивные фотографии, небанальный подход.

Я знала этот текст — Юра сам написал нам его для медиакита и настоял на том, чтобы мы его опубликовали.

— ...но имидж — ничто, — это Юра пошутил. — Вы не собираете рекламу. Продаетесь нормально для своего сегмента, но в данный момент для издательского дома этого недостаточно. Да что я говорю, ты и сама это знаешь.

Юра улыбнулся мне отечески. Как будто я вернулась с дискотеки на полчаса позже, но папочка готов меня простить.

— Но в нас не вкладывали никаких средств с самого запуска, — я попыталась. До сих пор рада, что попыталась, пусть и без толку. — Я уверена, что минимальные затраты на минимальную рекламную кампанию вскоре бы окупились. Плюс, есть спецпроекты. Рекламодатели любят наши спецпроекты, и я сама несколько штук продала, ходила по встречам...

— У вас слишком дорогие фотографии и печать дорогая!

— Давайте подумаем, как снизить затраты на нее, вместо того чтобы менять логотип в третий раз за два года.

— Мы меняли его не от хорошей жизни, Антонина!

— Да, но из-за этого читатели перестали узнавать свой журнал!

— Да, все пять ваших читателей!

— У нас вполне приличный тираж для нашего сегмента, ты сам это сказал. И я сейчас о реальных цифрах, а не о тех, что мы пишем в выходных данных.

— «Звезды и правда» сделали миллион в первые несколько выпусков!

— Ты считаешь, «Звезды и правда» тоже имиджевый проект? Наш издательский дом всегда гордился тем, что не выпускает такие журналы.

— Но миллион, Антонина. Посмотри на их заголовки!

— На какие заголовки? «Николая Баскова преследует внебрачный енот»?

— Я не говорю, что вам нужны такие же!

— Вообще-то ты только что это сказал.

И тут я поняла, что все уже решено. Без меня. Я знала, что наш журнал вряд ли когда-либо достигнет уровня

«Звезд и правды». А если достигнет, то не с этой командой, да и слава богу. Мы пробовали добавить ему гламурности и чуть не потеряли лояльную аудиторию. Мы экспериментировали с выносами на обложке, самой обложкой и логотипом, и мало продвинулись. Нашему милому интеллигентному Notebook, или просто Буку, который каким-то образом выживал на энтузиазме редакции и нескольких тысяч читателей, могло помочь только чудо. Или большая рекламная кампания. Чудо на тот момент было более вероятным, и оно не произошло.

— Когда нас закрывают? — Я подумала вдруг о Катерине Х. Юре удалось то, что тебе, Катя, не под силу. Вот теперь горе шевелилось во мне и болело изо всех сил.

— Этот номер последний. Подчиненным и рекламодателям пока говорить нельзя — снимут последние рекламные полосы, и тогда придется увольнять всех с минимальным выходным пособием.

— Угу, еще бы.

— ...и тебе нужно съездить в Суздаль.

— Почему не в Иерусалим, например?

— В Суздале выездное мероприятие топ-менеджмента, ты забыла?

— Так я уже не топ-менеджмент.

— Об этом никто не должен знать, пока не будет официального объявления.

— А команда?

— Кого сможем, пристроим в издательском доме. Но сразу скажу, зарплаты сохранить вряд ли получится.

И я пошла обратно. Я шла через всю редакцию к своему столу так, будто меня гнали через строй. Все эти люди